

быть включены историография и основные исторические проблемы, для решения которых привлекаются данные археологии. Нужно сделать курс «Основы археологии» подлинно исторической дисциплиной. Вместе с тем, необходимо курс «Основы археологии» читать в IV семестре, а также ввести в программу минимум практических занятий, с обязательными выходами в поле. Наконец, назрела настоятельная необходимость ввести курс археологии в педагогических институтах для усовершенствования педагогического мастерства учителей-историков.

А. Н. Москаленко

О ДАТИРОВКЕ АРТХАШАСТРЫ

Вопрос о датировке Артхашастры¹ представляется весьма сложным и трудным и до сих пор еще не решен окончательно. Несмотря на разнообразие доводов, приводимых для выяснения этого вопроса, все исследования, посвященные Артхашастре, могут быть разделены на две группы: в одних, согласно установившейся индийской традиции, создание Артхашастры относится к периоду между IV и III вв. до н. э., в других, согласно европейской традиции, — к III или к первым векам нашей эры.

Индийской традиции придерживаются такие исследователи, как Р. Шамашастри, которому принадлежит заслуга открытия Артхашастры и первое издание текста памятника², Ганапати Шастри, издавший в 1924—1925 гг. текст Артхашастры с комментарием на санскритском языке³, Г. Якоби, исследовавший ряд вопросов, связанных с историей и происхождением Артхашастры⁴, Гопал Дамодар Тамаскар, написавший на хинди исследование об Артхашастре Каутильи⁵, Джаганлал Гупта и Бхагавандас Кела, опубликовавшие на хинди исследование: «Экономические взгляды Каутильи»⁶, О. Штейн⁷, И. Мейер, издавший в 1926 г. немецкий перевод Артхашастры⁸, Н. Ч. Бандьёпадхья⁹, Бернгард Брелёр, посвятивший свое

¹ Краткие сведения об Артхашастре см. В. И. К а л ь я н о в, Артхашастра — политико-экономический трактат древней Индии, ВДИ, 1939, № 2, стр. 95—101.

² Kauṭīliyam Arthaśāstram. Arthasastra of Kautilya, revised and edited by R. S h a m a S a s t r i, Mysore, 1919; Kauṭīlya's Arthaśāstra. Translated by dr. R. S h a m a s a s t r y, with an introductory Note by the late dr. J. F. Fleet, Mysore, 1929.

³ Kauṭīliyam Arthaśāstram. The Arthasāstra of Kauṭilya, with the commentary Śrīmūla of Mahāmahopādhyāya T. G a ṇ a p a t i S ā s t r i. Edited by the commentator, I—III, Trivandrum, 1924—1925.

⁴ H. J a c o b i Zur Fhr geschichte der indischen Philosophie, SBA, 1911, стр. 732; он же, Kultur- Sprach und Literarhistorisches aus dem Kauṭīliya, там же, стр. 954; он же, Über die Echtheit des Kauṭīliya, SBA, 1912, стр. 832.

⁵ G o p ā l D ā m o d a r T ā m a s k a r, Kauṭīliya arthaśāstra-mīmāṃsā, (на хинди), Prayāg (Аллахабад), 1926.

⁶ J a g a n l ā l G u p t a a u r B h a g a v ā n d ā s K e l ā, Kauṭīliya ke ārthik vicār (на хинди), Vṇadāban, 1933.

⁷ O t t o . S t e i n, Megasthenes und Kauṭīliya. Wien, 1921.

⁸ См. также, J. J. M e y e r, Über das Wesen der Altindischen Rechtschriften und ihr Verhältniss zu einander und zu Kauṭīliya, Leipzig, 1927.

⁹ N a r a y a n C h a n d r a B a n d y o p a d h y a y a, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, Calcutta, 1927, т. I.

исследование изучению труда Каутильи в связи с землевладением и частным правом в древней Индии¹, Стен Конов², акад. С. Ф. Ольденбург, исполнивший в 1931—1932 гг. русский перевод первой книги Артхашастры³, и другие.

Европейской традиции придерживаются Дж. Джолли и Р. Шмидт, издавшие текст Артхашастры вместе с комментарием «Ная Чандрика» Мадхавы Яджвы⁴, М. Винтерниц, автор обширного трехтомного труда по истории индийской литературы⁵, акад. Ф. И. Щербатской, руководивший работой бригады по переводу на русский язык Артхашастры⁶, Д. А. Сулейкин⁷ и другие.

Доводы первой группы исследователей могут быть сведены к следующим положениям:

1. В различных литературных памятниках: в «Вишнупуране», в «Нитисаре» («Компендиум политики») Камандаки, который считает себя учеником Каутильи⁸, в «Нитивакьямрите» («Нектар слов политики»), принадлежащей джайнскому автору Сомадэ-васури, современнику царя Яшодхары, в романе Дандина «Дашакумарачарита» («Приключения десяти принцев»), в «Катхасаритсагаре» («Океан рек рассказов»), в «Мудраракшасе» («Печать и министр Ракшаса»), драме Вишакхадатты, в «Чанакьякатха» («Рассказы о Чанакье»), написанном Равинартакой, и в других сочинениях упоминается о том, что брахман Каутилья сокрушил владычество Нандов и возвел Чандрагупту на трон, или о том, что Вишнугуптой (он же Чанакья, или Каутилья) составлено руководство по политике для царя Маурья. Из этого делается вывод, что Каутилья был первым министром Чандрагупты и написал для него руководство.

2. На основании индийских эпиграфических исследований несомненно известно, что Чандрагупта Маурья правил царством с 321 по 298 г. до н. э.⁹

3. В отчетах Мегасфена об Индии содержатся сведения о Чандрагупте (греч. Σανδράκκιστος), при дворе которого в Паталипутре Мегасфен находился посланником Селевка Никатора с 315 по 291 г. до н. э.¹⁰ Поэтому проблема Артхашастры связывается с проблемой Мегасфена.

4. Для доказательства того, что Артхашастра относится ко времени династии Маурья, приводятся названия монет, упоминаемых в памятнике, а именно: *kāṣṭhārṇa*, *raṇa*, *raṇa*, *maṇa* (Artha., II, 12, 19). Эти монеты имели хождение во времена Панини и

¹ В. В. Brelœr, *Kauṭīliya Studien*, I—II, Bonn, 1927—1928.

² Sten Konow, *Kautilya Studies*, Oslo, 1945.

³ См. акад. С. Ф. Ольденбург, Современная постановка изобразительных искусств и их техники в Индии, ИГАИМК, т. VIII, вып. 1 (1931); он же, О некоторых новых индийских работах по истории и экономике Индии, БВ, вып. 2—4 (1934).

⁴ Kauṭīliyam Arthaśāstram. Arthaśāstra of Kauṭīliya. A new Edition by dr. J. Jolly and dr. R. Schmidt, т. I (Text), т. II (Notes), with the commentary Naya Candrikā of Mahāmahopādhyāya Mādhava Jajva, Lahore, 1923—1924.

⁵ M. Winternitz, *Geschichte der indischen Litteratur*, т. III, Leipzig, 1920, стр. 518; см. он же, *Surungā and the Kautilya Arthaśāstra*, «The Indian Historical Quarterly», Calcutta, т. I, № 3 (1925).

⁶ К этой точке зрения акад. Ф. И. Щербатской пришел в результате работы над переводом Артхашастры; ранее он придерживался индийской традиции, см. Ф. И. Щербатской, К истории материализма в Индии, ВЗ, I, Л. (1927).

⁷ Д. А. Сулейкин, Основные вопросы периодизации истории древней Индии, УЗТИАН, т. II, Индийский сборник, М.—Л., 1949, стр. 185—190.

⁸ N. Ch. Bandyopadhyaya, ук. соч., т. I, стр. 6.

⁹ T. Gaṇapati Sāstrī, ук. соч., ч. I, стр. 5; R. Shamasastry, *Kauṭīliya's Arthaśāstra*, предисловие к английскому переводу, Mysore, 1929, стр. VII.

¹⁰ O. Stein, ук. соч., стр. 3, 6 сл.; 15 сл. и др.; В. В. Brelœr, *Kautilya Studien*, I, стр. 13, 48, 68 и др.

продолжали употребляться в период царствования Чандрагупты, пока не были заменены динарами (dīnāga) незадолго до Патанджали (около II в. до н. э.)¹.

5. Поскольку дата «Камасутры» («Наука любви») Ватсьяны в позднейшей своей редакции может быть определена не древнее III в. н. э., создание Артхашастры, из которой многое заимствовано Ватсьяной, следует отнести не менее чем на пять или шесть столетий раньше². Это аргументируется, во-первых, тем, что греческие астрономические термины, содержащиеся в Камасутре (Kāma., III, 1), в Артхашастре не встречаются; во-вторых, знакомством Ватсьяны (в разделе об определении любви) с философией Вайшешика, тогда как Каутилья в своем определении философии—Anvikṣakī—ее игнорирует (Artha., I, 2); в-третьих, тем, что в Камасутре объявляется похвальным воздержание от употребления мяса (Kāma., I, 2), между тем как Каутилья в главе Sūnādhyaṣa «Надзиратель за бойнями» разрешает продажу мяса и предписывает компенсацию мясом за продажу костистого мяса³.

6. Некоторые термины, применяемые в Артхашастре, соответствуют терминам, встречающимся в древних литературных памятниках. Так, термин *satrañgin* (*catu-ṛgāṅga*), употребляющийся в Артхашастре⁴ для обозначения армии, состоящей из четырех родов войск, встречается в Махабхарате и Рамаяне⁵. Применяемые в Артхашастре (II, 10) грамматические термины: *nāman*, *ākhyāta*, *upasaṅga* и *nipata* для обозначения соответственно имени, глагола, предлога и союза согласуются с «Нируктой» («Этимологией») Яски (I,8), «Махабхашьей» («Большой комментарий») Патанджали (I,3,12) и с грамматикой Панини (I,58), за исключением терминов *nāman* и *ākhyāta* для обозначений имени и глагола, которые заменены у последнего техническими терминами *sup* и *tiṅ*⁶. Некоторые политические термины, как *maḥāmātra* «главный чиновник» или «министр», *saṁāja*, «собрание» и др., являются общими в Артхашастре и в надписях императора Ашоки (Гирнарский вариант). Предполагают, что эти термины могли быть переведены с санскрита на пракриты⁷ для употребления должностными лицами Ашоки⁸.

Таковы основные доводы, которые приводятся в доказательство того, что создание Артхашастры приурочивается к IV—III в. до н. э.

Вторая группа исследователей аргументирует свои положения главным образом следующими доводами:

1. В отчетах Мегасфена ничего не говорится о Каутилье. В своем сочинении «Махабхашья» Патанджали, упоминая Маурьев и зал собраний царя Чандрагупты (*Candragupta-sabha*), также умалчивает о Каутилье и его произведении. В самом памятнике «Артхашастра» отсутствуют какие-либо упоминания о царе Чандрагупте и его столице Паталипутре. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что автор Артхашастры не был современником Чандрагупты⁹.

2. На основании сравнительного изучения санскритских литературных памятников дата Камасутры определяется IV в. н. э. При сопоставлении текста Камасутры и Артхашастры привлекает внимание то обстоятельство, что древние учителя, на которых ссылаются оба автора, цитируются либо под общим названием: *acāryaḥ* «учителя», либо отдельно по их именам, причем в обоих произведениях встречаются два редких имени: *Ghoṭa(ka)mukha* и *Sāṅgāra*. Сходство, обнаруженное в цитировании двух

¹ R. Shamastry, ук. соч., стр. XXVIII.

² H. Jacobi, Über die Echtheit des Kauṭilya, SBA, 1912, стр. 841; Sten Konow, ук. соч., стр. 5; Cp J. Jolly, ук. соч., стр. 24.

³ Sten Konow, ук. соч., стр. 7; Cp J. Jolly, ук. соч., стр. 24—25.

⁴ Kauṭilyam Arthaśāstram, II, 33,12; IX, 1,51; IX, 2,52; X, 4,18 (по Лахорскому изданию Дж. Джолли).

⁵ Sten Konow, ук. соч., стр. 54.

⁶ Там же, стр. 14.

⁷ Т. е. на народные языки соответствующих областей.

⁸ Sten Konow, ук. соч., стр. 5.

⁹ J. Jolly, ук. соч., стр. 30, 43, 47.

таких редких авторитетов, является доказательством родства, существующего между двумя этими произведениями. Воздержание от мясной пищи, которое считается в Камасутре похвальным, не находится в прямом противоречии с Артхашастрой, где обычай *ahiṃsā* «отсутствие насилия» предписывается для всех четырех ступеней жизни (I, 3). Близкое сходство между Артхашастрой и Камасутрой, которая испытала значительное влияние первой, позволяет заключить, что Артхашастра была создана самое большее на столетие раньше Камасутры, т. е. в III в. н. э.¹

3. Сопоставление многочисленных и поразительных соответствий, обнаруженных в сводах законов и в Артхашастре, приводит к заключению, что Каутилья был знаком с основным содержанием литературы Дхармасутр (т. е. сводов законов). Утверждают поэтому, что метрические правила Дхармашастры (Наука о законе или морали) были Каутилией обращены в прозу, особенно правила, взятые из Яджнявалкьи, соответствие с которыми особенно близко².

4. Автор Артхашастры употребляет поздний термин *śulba* для обозначения меди и для обозначения рудника, копи термин *suruṅgā* и *suruṅgā*, который, вероятно, произведен от древнегреческого слова *surigx*. Согласно описанию Артхашастры, металлургия и рудничное производство в это время были высоко развиты, производство металлов было государственной монополией и находилось в руках специальных чиновников, которые наблюдали за многочисленными отраслями разработки металлов и минералов. Мегасфен же, в противоположность этому, ссылается только на пять видов металлов, производившихся в Индии, а Страбон описывает индийцев как неопытных в рудничном и плавильном искусствах³.

5. Артхашастра упоминает о книгах, о письмах и паспортах, о регистрации и корреспонденции, о писцах и счетчиках и посвящает целую главу изложению правил для составления царских указов (II, 10). Мегасфен же сообщает, что индусы не были знакомы с письмом⁴.

6. Характер производственных отношений, картина общественного строя и государственного устройства, экономические и политические учреждения, описанные в Артхашастре, представляются гораздо более развитыми и сложными и выступают более рельефно, нежели те, о которых упоминается в заметках Мегасфена и надписях царя Ашоки. На основании этого Д. А. Сулейкин считает, что «Артхашастра» Каутилии является источником для изучения периода с I в. до н. э. по III в. н. э., который он характеризует как период разложения древнеиндийского рабовладельческого общества⁵.

Признавая справедливость ряда доводов, приводимых в защиту обеих точек зрения, следует отметить, что некоторые из них, особенно основывающиеся на сообщениях Мегасфена, вызывают серьезные возражения. Труд Мегасфена об Индии сохранился лишь в пересказе Арриана и других древних авторов. Поэтому к сведениям, приписываемым Мегасфену, необходимо относиться весьма осторожно и критически. Так, нельзя согласиться с тем, что индусы в те времена не были знакомы с письмом.

Вопрос о письме в Индии является весьма сложным. Письменные памятники на индийских языках, дошедшие до нас, относятся к очень позднему времени. Древнейшие из этих памятников — надписи императора Ашоки (270—250 гг. до н. э.), сделанные на пракритах, восходят к III в. до н. э. Но это еще не дает оснований для утверждения, что до III в. до н. э. в Индии не было письменности⁶.

¹ J. Jolly, ук. соч., стр. 24—29.

² Там же, стр. 17, 20.

³ J. Jolly, ук. соч., стр. 34 сл.; M. Winternitz, *Suruṅgā and the Kauṭīliya Arthaśāstra*, стр. 429—432.

⁴ J. Jolly, ук. соч., стр. 35.

⁵ Д. А. Сулейкин, ук. соч., стр. 190.

⁶ М. Мюллер, *Шесть систем индийской философии*, перевод с англ. П. Николаева, М., 1901, стр. 190; Ч. Лоукотка, *Развитие письма*, перевод с чешского Н. Н. Соколова, М., 1950, стр. 192.

Говоря о факторах, влияющих на развитие языка, И. В. Сталин пишет: «Дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке, появление печатного станка, развитие литературы — всё это внесло большие изменения в развитие языка»¹. Когда появились классы, когда возникло государство и стала развиваться торговля, — появляется и настоятельная необходимость в письменности. Следовательно, древнее доарийское общество Индии, которое советская историческая наука характеризует как рабовладельческое, должно было иметь свою письменность. Подтверждением этому служат такие сложные лингвистические исследования индийцев, предпринятые ещё задолго до н. э., как разложение основного текста вед (*Saṁhitāpāṭha*) на отдельные элементы для чтения по слогам (*Paḍapāṭha*), составление санскритской грамматики в форме кратких алгебраических сутр, изобилующих техническими терминами, и другие сочинения, свидетельствующие о длительном предшествующем развитии индийской письменности.

Недавно открытые при раскопках в Мохенджо-Даро и Хараппе надписи, представляющие собой образец протоиндийских письмен, проливают новый свет на решение вопроса о происхождении индийской письменности и делают вполне допустимой гипотезу о возможности какой-то связи между этими древними письменными знаками и последующими письменными системами Индии². Но остается пока непонятным вопрос, почему письменные памятники периода развития рабовладельческого общества не дошли до нас.

Таким образом, вопрос о времени возникновения письменности в Индии не может служить опорным пунктом для определения даты создания Артхашастры.

При рассмотрении проблемы датировки Артхашастры от внимания исследователей обоих направлений ускользнули некоторые существенные вопросы, способствующие в той или иной мере разрешению этой задачи. К ним относятся такие вопросы, как классификация наук и определение философии в Артхашастре, сопоставление языка и стиля Артхашастры с другими произведениями. Рассмотрение этих вопросов и является целью настоящей работы.

В первом разделе Артхашастры дано такое перечисление наук и определение философии: «Философия (*ānvīkṣakī*), учение о трех ведах (*trayī*), учение о хозяйстве (*vārtā*), учение о государственном управлении (*daṇḍanīti*) — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья. Так как ими познается право и польза, то в этом и заключается понятие науки.

Философия — это санкхья, йога и локаята³.

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Госполитиздат, 1952, стр. 26—27.

² Акад. В. В. Струве, Дешифровка протоиндийских письмен, ВАН, 1947, № 8, стр. 52.

³ *Sāṅkhya* — букв. «перечисляющая (истинные принципы)», одна из шести ортодоксальных систем индийской философии, сутры которой приписываются Капиле. Она считается представительницей индийского рационализма, ибо пытается объяснить все мироздание из двух основных принципов — природы (*prakṛti*) и духа, или божественной субстанции (*piṇḍa* или *ātman*) путем рациональной эволюции. *Yoga* — букв. «соединение, религиозные упражнения», также одна из шести ортодоксальных философских систем, сутры ее приписываются Патанджали. Йога считается представительницей индийского мистицизма, так как все внимание она сосредоточивает на различных действиях и упражнениях, посредством которых якобы приобретаются сверхъестественные силы и способности для слияния с чистым духом индийской философии. Система *йога* принимает почти все теоретические положения системы *санкхья*, не выдвигая самостоятельных теорий. Эти две системы являются родственными и считаются основными и «*sanātane dṛṣṭe*», т. е. двумя предвечными философиями (см. Ф. И. Щербат-

Философия тем, что исследует при помощи логических доказательств: в учении о трех ведах — законное и незаконное, в учении о хозяйстве — пользу и вред, в учении о государственном управлении — верную и неверную политику и исследует при этом сильные и слабые стороны этих наук, — приносит пользу людям, укрепляет дух в бедствии и в счастье и дает умение рассуждать, говорить и действовать.

Философия всегда считается светильником для всех наук, средством для совершения всякого дела, опорой всех установлений» (Artha., I, 2, 18–12¹).

Следовательно, по свидетельству Артхашастры, существовало разделение наук и их классификация, причем философия, по классификации Каутильи, среди них занимала первое место.

Наряду со своей классификацией Каутилья приводит точки зрения различных школ по этому вопросу, а именно: «Учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (это науки) — так считают последователи школы Манава, ибо философия, говорят они, это раздел учения о трех ведах.

Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — так считают последователи школы Брихаспати, ибо, утверждают они, учение о трех ведах для знающего житейский обиход только оболочка.

Учение о государственном управлении единственная наука — так считают последователи школы Ушанаса, ибо, говорят они, с ним связаны начала всех наук» (Artha., I, 2, 2–7).

Следовательно, классификация Каутильи, предполагающая существование четырех наук и трактующая философию как самостоятельную науку является шагом вперед в развитии научных знаний в древней Индии по сравнению с учением школы Манава, признающей три науки, Брихаспати, признающей две науки, и школой Ушанаса, признающей одну единую науку.

Философские взгляды в древности всегда были тесно переплетены с естественно-научными и политическими взглядами. «Древнейшие греческие философы, — писал Энгельс, называя Фалеса, Анаксимандра, Анаксимена, — были одновременно естествоиспытателями»².

Однако по мере развития научных знаний о природе и обществе от философии постепенно отделялись одна за другой положительные науки, область философии все более сокращалась. Этот процесс имел положительное значение и для философии и для естественных и общественных наук.

Классификация Каутильи уже свидетельствует о начавшемся отпочковании положительных наук от философии, но этот процесс в Артхашастре представлен еще в зачаточном состоянии. Некоторые положительные науки: фонетику, грамматику, астрономию и др., Каутилья считает вспомогательными, несамостоятельными науками (aṅga), входящими в состав trayī — учения о трех ведах: «Сама-, Риг-, Яджур-веды составляют троицу (вед). Атхарваведа и Итихасаведа тоже веды. Учение о произношении (т. е. фонетика, śikṣā), обрядовый ритуал (kalpa), грамматика (vyākaraṇa), этимология (nirukta), метрика (chandas или chandovicitī), астрономия (jyotiṣa) — это вспомогательные науки» (Artha., I, 3, 1–3). В Артхашастре сильно ощущается влияние философии на другие отрасли знания.

с к о й, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II, СПб., 1909, стр. 2–4). Lokāyata — букв. «заботящаяся (распространяющаяся) только о земном», философская школа индийских материалистов, не входящая в шесть ортодоксальных философских систем и приписываемая Брихаспати. Эта школа, иначе называемая Ч а р в а к а, выступала яркой ненавистницей религии (см. Ф. И. Щ е р б а т с к о й, История материализма в Индии, стр. 4–5).

¹ Перевод, как и во всех других случаях, когда приводятся отрывки из Первой книги (отдела) Артхашастры, — акад. С. Ф. Ольденбурга. Сектор восточных рукописей Института востоковедения АН СССР в Ленинграде.

² Ф. Э н г е л ь с, Диалектика природы, 1952, стр. 147.

Сопоставление данных Артхашастры с историей развития научных знаний в древней Греции позволяет сделать предположение, что засвидетельствованное в Артхашастре начало дифференциации наук можно отнести ко времени разложения рабовладельческого строя и зарождения феодальных отношений, т. е. к I—III вв. н. э. Более глубокое и всестороннее выяснение вопроса о положении философии в древней Индии и ее отношении к другим наукам, несомненно, поможет исследователям в определении даты этого памятника.

Такое произведение как Артхашастра, представляющее собой весьма сложный компендиум политики, не могло появиться сразу, как не могли появиться сразу знаменитая грамматика Панини и Большой комментарий на нее, составленный Патанджали, а также основные сутры всех шести главных философских систем Индии. Все эти произведения могли возникнуть только благодаря весьма длительной традиции изучения тех или иных отраслей наук или дисциплин, развитие которых требовало нескольких, если не многих, столетий. Весьма показательным, что трактат Артхашастры начинается такой фразой: «Это единое руководство политики составлено на основании извлечений из большей части тех руководств по политике, которые были изданы древними учителями с целью овладения землей и ее охраны» (Artha., I, 1).

Об этом же свидетельствуют многочисленные ссылки автора на учителей, встречающиеся на протяжении всего трактата. Некоторые из них считаются последователями тех или иных школ и носят имена их подлинных или предполагаемых основателей: Mānavāḥ, или «последователи школы Ману», Bārhaspatyāḥ — «последователи школы Брихаспати», Auśanāsāḥ — «последователи школы Ушанаса» и Āmbīyāḥ — «последователи школы Амбхи». В числе упомянутых учителей приводятся также 13 собственных имен: Вишалакша, Парашара, Пишуна, Бахудантипутра, Кауналаданта, Ватавьядхи, Катьяяна, Кашинок, Бхарадваджа, Диргхашчараяна, Гхотамукха, Кинджалка и Пишунупутра¹.

Таким образом, по свидетельству самого памятника, создание Артхашастры было возможно благодаря длительной традиции, существовавшей в изучении политической науки. Из этого также следует, что и данное руководство в том виде, в каком оно до нас дошло, подвергалось многочисленным обработкам и редакциям.

Тем не менее при определении даты памятника следует непременно учитывать его язык и стиль.

Как известно, древние научные трактаты составлены на языке сутр. Само слово «сутра» (sūtra) означает «нить», «краткое правило или изречение» и в дальнейшем: «трактат или руководство, содержащее такие правила или изречения». Язык сутр отличается алгебраической краткостью стиля². Сутры должны передавать существо изречения и не должны содержать ничего излишнего и сомнительного. Они должны избегать повторений и соблюдать большую экономию слов. Литература сутр возникла в тот период, когда ведическая литература стала громоздкой и ведические мыслители обязаны были систематизировать свои взгляды³. Этим стилем были написаны изложения и всех шести основных систем индийской философии. Максимальная краткость сутр делает трудным понимание их без комментария⁴.

Изучение философских сутр имеет в Европе более чем столетнюю традицию, которая выработала определенный метод, применяемый в рассмотрении языка и стиля сутр и в их датировке.

Рассматривая вопрос о времени возникновения философских сутр, крупнейший и общепризнанный авторитет в области буддийской культуры и индийской философии,

¹ N. Ch. Bandyopadhyaya, Kautilya or an Exposition of his social ideal and political theory, т. I, стр. 19 сл.; J. Jolly, ук. соч., стр. 30.

² Ф. И. Щербатской, Теория познания и логика по учению позднейших буддистов, ч. II. Учение о восприятии и умозаключениях, СПб, 1909, стр. 22.

³ S. Radhakrishnan, Indian Philosophy, т. II, L., 1948, стр. 22.

⁴ Там же.

акад. Ф. И. Щербатской считал, что «сутры главных философских систем, в той форме, в которой они до нас дошли, вовсе не принадлежат к той глубокой древности, к какой их обыкновенно причисляют, и не принадлежат к тем полумифическим авторам, с именами коих их связывает традиция. Философские системы существовали гораздо раньше составления сутр, которое относится к эпохе начинавшегося расцвета средневековой санскритской литературы. Сутры были составлены вскоре после появления буддийской школы и огачаров и лишь приписаны древним авторам, очевидно, для придания этим сочинениям большей авторитетности. Время их составления, следовательно, есть V век после Р. Х.»¹.

Можно по аналогии предположить, что и сутры Артхашастры не принадлежат к отдаленной древности, поскольку сам памятник, как отмечалось выше, представляет собою результат длительной работы нескольких поколений исследователей в области политики.

Для подкрепления этого предположения можно указать на некоторые стилистические и смысловые параллели из Артхашастры и других санскритских памятников. Такие параллели из различных памятников, а именно: из «Камасутры» и «Мудраракшасы», из поэм Калидасы — «Рагхуванши» («Родословная Рагху») и «Кумарасамбхавы» («Рождение бога войны»), из «Дашакумарачариты», из многочисленных смрити (законодательных книг) уже приводились рядом исследователей. Приведем для иллюстрации некоторые из них. Так, в Камасутре (около IV в. н. э.)² читаем: 1) *kāmasūtram idaṁ prapītam | tasyāyaṁ prakaraṇādhikaraṇa-samuddeṣaḥ | ... vidyā-samuddeṣaḥ ... aupaniṣadikam* (Kāma., I, 1) ... «Составлено это руководство любви. Вот перечисление его отделов и разделов... Классификация наук... О тайных средствах». Этому соответствует почти буквально отрывок из Артхашастры: ... *idaṁ arthaśāstraṁ kṛtam | tasyāyaṁ prakaraṇādhikaraṇa-samuddeṣaḥ | vidyā-samuddeṣaḥ | ... aupaniṣadikam* (Artha., I, 1, 1-2, 158), «... Составлено это руководство политики. Вот перечисление его отделов и разделов. Классификация наук... О тайных средствах».

2) *Kāmapadhā-śuddhān rakṣiṇo 'ntaḥpure sthāpayet ity ācāryaḥ* (Kāma., V, 6) «Очищенных хитростью любви пусть он ставит охранителями в женской половине дворца — так считают учителя». Соответствующее место в Артхашастре гласит: *kāmapadhā-śuddhān bāhyābhyantara-vihāra-rakṣāsu (sthāpayet)* (Artha., I, 10, 22) (Министров), очищенных хитростью любви, пусть он (царь) ставит на дела по охране увеселений внутри двора и вне его».

3) *artho dharmāḥ kāmā ity artha-trivargaḥ | anartho 'dharmo dveṣa ity anartha-trivargaḥ* (Kāma., VI, 6). «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы. Убыток, беззаконие и ненависть — это тройное сочетание вреда». Соответствующее место из Артхашастры: *artho dharmāḥ kāmā ity artha-trivargaḥ ... anartho 'dharmāḥ śoka ity anartha-trivargaḥ* (Artha., IX, 7^{68,70}). «Выгода, закон и наслаждение — это тройное сочетание пользы... Убыток, беззаконие и печаль — это тройное сочетание вреда».

В Кумарасамбхаве и Рагхуванше (около V в. н. э.)³ говорится:

1) *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṁ paradeṣa-pravāhena svadeśābhīṣyanda-vamanena vā niveṣayet* (Raghu., XV, 29; Kumara., VI, 37). Соответствующее место из Артхашастры: *bhūta-pūrvam abhūta-pūrvam vā janapadaṁ paradeśāpavahana-svadeśābhīṣyanda-vamanena vā niveṣayet* (Artha., II, 1₁). Перевод в обоих случаях одинаковый: «Пусть (царь) производит заселение области, как существовавшей прежде, так и не существовавшей, путем привлечения (или: вывода) (жителей) чужих стран или выселением избытков (населения) своей страны».

2) *dharmādharmau trayyāṁ arthānarthau vārtāyāṁ nayānayaṁ daṇḍanītyām iti*

¹ Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4.

² Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XI.

³ Цитировано по Р. Шамашастри, ук. соч., стр. XII—XIII.

(Raghu., XVIII, 50). Соответствующее место в Артахашастре совпадает почти буквально: *dharmaḍharmau trauyām arthānarthau vārtāyām paūāpanayau daḍḍanītyām* | (Artha., 1, 2₁₁). Перевод в обоих случаях такой: «(Философия, исследуя доводами) законное и незаконное в учении о трех ведах, пользу и вред в учении о хозяйстве, верную и неверную политику в учении о государственном управлении...».

Некоторые параллели и важные общественно-политические термины, такие как *ṣāsana* «указ», *ari-ṣaḍvarga-jaya* «победа над объединением шести врагов (т. е. чувств)», *vidyā-vṛddha-saṅyoga* «общение с учеными старцами» и др., общие в Артахашастре и Рагхуване, приводит в своей работе Дашаратха Шарма¹. Многочисленные соответствия, обнаруженные в Артахашастре и различных *смрити*, законодательных книгах, обстоятельно показаны Дж. Джолли и распределены тематически по 33 разделам².

Несколько примеров из «Дашакумарачариты» (конец VI или начало VII в. н. э.), имеющих параллели в Артахашастре, приведены Р. Шамашастри³. Будет не безинтересно привести дополнительно несколько сопоставлений из этих двух памятников.

В восьмой главе основного текста Дашакумарачариты⁴ читаем: *nanu cātaso rāja-vidyās trayī vārtānvīkṣikī daḍḍanītir itiḥāsu tīśas trayī-vārtānvīkṣikyō mahatyō manda-phalāṣ ca, tās tāvad āsatām | adhīṣva tāvad daḍḍanītim* | (Daṣa., II, 8, 10-14). «Разве не существуют четыре науки, предназначенные для царя: учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении? Среди них три — учение о трех ведах, учение о хозяйстве и философия, хотя и важные, но к конечному результату приводят медленно. Пусть же они остаются в стороне. Но изучи ты науку о государственном управлении». Соответствующее место из Артахашстры гласит: *ānvīkṣakī trayī vārtā daḍḍanītiṣ ceti vidyāḥ* | ... *cātaso eva vidyā iti kauṭilyaḥ* | ... *ānvīkṣakī-trayī-vārtānām yogakṣema-sādhano daḍḍa-* | *tasya nītir daḍḍanītir* | ... *tasyām āyattā lokayātrā* | (Artha., I, 2, 1,3; 4, 4-5, 7). «Философия, учение о трех ведах, учение о хозяйстве, учение о государственном управлении — это науки... Наук именно четыре — так считает Каутилья... То, что обеспечивает сохранение и благополучие философии, троицы вед и учения о хозяйстве, есть жезл. Управление им есть наука о государственном управлении... От нее зависят мирские дела». В этих произведениях общим является не только число наук и их классификация, но и то, что наиболее полезной и способной привести к скорейшему результату признается наука о государственном управлении.

Во второй главе основного текста «Дашакумарачариты» приводится спор между юною гегерой Камаманьджари и отшельником Маричи о значении трех главных целей человека в жизни (*trivarga-balābala*)⁵: о богатстве или пользе, любви или наслаждении и религии или законе. Рассуждения Камаманьджари носят явно реалистический характер и согласуются с соответствующими положениями Артахашстры.

«Как глупы, однако, люди, — говорит Камаманьджари, — что ставят в один уровень и богатство, с одной стороны, и религию — с другой (*mūḍhaḥ khalu loko yat saha dharmenā rthakāmāḥ api gaḍayati*)⁶... Разве богатство и любовь не существуют

¹ Dasharatha Sharma, *The Arthasāstra in the Raghuvaṁśa*, «The Indian Historical Quarterly», XXVII, 1951. № 2, стр. 129—137.

² J. Jolly, *ук. соч.*, стр. 12—17.

³ R. Shamasastry, *ук. соч.*, стр. IX.

⁴ Цитируется по комментированному изданию текста: *The Daśakumaracarita of Daḍḍin with the commentaries (Padachandrikā and Bhūṣhaṇa) of Kavindra Sarasvatī and Śivarāma*, Edited with various readings by N. B. Godbole and K. P. Parabha, Bombay, 1883.

⁵ *Daśakumāracarita*, II, 2, стр. 42₈.

⁶ Там же, стр. 42₅₋₆.

совершенно независимо от религии? (nanu dharmād r̥te 'rtha-kāmayor an-utpattir eva)¹. Религия, ведь, стоит совершенно особняком от них (tad-anapekṣa eva dharmo)². Она ведет к блаженству Нирваны, что достигается исключительно погружением в сосредоточенное размышление. Эта цель находится в зависимости от факторов внешнего мира, подобно богатству и любви (so 'rtha-kāma-vad bāhya-sandhāneṣu nā 'tyāyate)³. Религия укрепляется знанием истинной сущности вещей, ей не противоречат те или другие занятия, посвященные богатству и любви (tattva-darṣanopabr̥hitaṣ ca yathā-kathāncid apu apoṣṭhīyamānābhyāñ nā 'rtha-kāmābhyāñ bādhyate)⁴. Но даже если бы она и потерпела ущерб от таких занятий, то небольшим усилием можно поправить дело и, освободившись от греха, достигнуть значительной религиозной заслуги⁵.

Соответствующее место в Артахаштре о взаимоотношении трех главных целей человека, или трех факторов, сформулировано так: vārtā danḍanītiṣ ceti bārhaspatyāñ | samvaraṇa-mātram hi trayī lokayātrā-vida iti | (Artha., I, 24-5)... evaṃ vaçyendriyaḥ para-strī-dravya-hiṁsāḥ ca varjayet | svapnaṃ laulyam anrtam uddhata-veṣatvam anartha-saṅyogaṃ ca | adharma-saṅyuktaṃ cā 'nartha-saṅyuktaṃ ca vyavahāram | dharmārtha-virodhena kāmam seveta | na niḥsukhaḥ syāt | samañ vā trivargam anyonyānubandham | eko hy atyāsevito dharmārtha-kāmānām ātmānam itarau ca pīḍayati | artha eva pradhāna iti kauṭilyaḥ | artha-mūlau hi dharmā-kāmāv iti | (Artha., I, 7, 3-11). «Учение о хозяйстве, учение о государственном управлении (— это науки) — так считает школа Брихаспати, ибо учение о трех ведах (т. е. религия) для знающего житейский обиход только внешняя оболочка... Таким образом, и с обузданными чувствами, пусть он отклоняет от себя оскорбление чужих жен и похищение имущества, сонливость, похоть, неправду, надменную манеру, вредные влечения, дела, соединенные с беззакониями или вредные. Пусть он отдается любви, не нарушая закона и пользы; пусть не будет лишен наслаждения или пусть в равной мере отдается тройке, части которой связаны друг с другом. Ибо единое из трех — закона, пользы и любви, чрезмерно чтимое, вредит себе и двум другим. Каутилья считает, что главное — польза, ибо закон и любовь основаны на пользе».

Как видно из сопоставления этих мест, рассуждения о трех целях человека в жизни, вложенные в уста гетеры Камаманьджари, согласуются по своей сути с соответствующими положениями, сформулированными в Артахаштре.

Приведем далее еще один небольшой отрывок (Daṣa., II, 2, стр. 43₁₁₋₁₄), где гетера отвечает отшельнику: arthas tāvad arjana-varhdhana-rakṣaṇāmakaḥ, kṛṣi-pāçupālya-vāñijya-saṇdhivigrahādi-parivāraḥ, tīrtha-pratipādana-phalaḥ ca | «Во-первых, что касается богатства, то сущность его состоит в приобретении, приумножении и сохранении. Сопутствующие обстоятельства состоят в земледелии, в скотоводстве, торговле, в мирных договорах, в войне и т. п. Конечный результат есть достижение важности и всеобщего уважения»⁶.

Эти рассуждения также основаны на положениях Артахаштры, которые звучат следующим образом: kṛṣi-pāçupālye vāñijya ca vārtā | dhānya-paçu-hiraṇya-kurva-viṣṭi-pradānād aupakārikī | tayā svarakṣaṃ parapakṣaṃ ca vaçīkaroti koça-danḍā-

¹ Там же, стр. 42₉₋₁₀.

² Там же.

³ Там же, стр. 42₁₁.

⁴ Там же, стр. 42₁₁₋₁₂.

⁵ Дандин, Приключения десяти принцев. Перевел с санскритского Ф. Щербатской, «Восток», 1923—1925, кн. 3, стр. 60 сл.

⁶ Последнее место: tīrtha-pratipādana акад. Ф. И. Щербатской перевел весьма вольно: «достижение важности и всеобщего уважения», очевидно, в интересах популярности перевода. Между тем, точный перевод этих слов должен означать: «раздача или распределение (добра) среди достойных лиц», что, очевидно, должно служить средством для достижения важности и всеобщего уважения.

bhyam|...daṇḍanītiḥ|alabdha-lābhārthā labdha-parirakṣaṇī rakṣita-vivardhanī vrd-dhasya tīrtheṣu pratipādani ca| (Artha., I, 4, 1-3; 5-6). «Земледелие, скотоводство и торговля составляют учение о хозяйстве. Оно приносит пользу доставлением зерна, скота, золота, лесного товара и обязательного труда. При помощи его (царь) подчиняет себе сторонников и врагов через казну и войско... наука о государственном управлении. Она состоит в приобретении еще недобытого, в сохранении приобретенного, приумножении охраненного и в распределении среди достойных приращенного добра».

В этих отрывках многие термины являются общими для обоих памятников. Например, trayī vārtā ānvīkṣikī daṇḍanīti (Daṣa.) соответствуют: ānvīkṣakī trayī vārtā daṇḍanīti (Artha.) «учение о трех ведах, учение о хозяйстве, философия и учение о государственном управлении»; trivarga (dharma, artha, kāma) «тройка», т. е. три фактора, три ценности или три главные цели человека: закон, польза и любовь; — одинаково в обоих памятниках; arjana-varhdhana-rakṣaṇa (Daṣa.) соответствует: lābha, vivardhana, parirakṣaṇa (Artha.) «приобретение, приумножение и сохранение»; kṛṣi-pāṣupālyavāṇijya (Daṣa.) — kṛṣi-pāṣupālye vāṇijya ca (Artha.) «земледелие, скотоводство и торговля». tīrtha-pratipādana (Daṣa.) — tīrtheṣu pratipādana (Artha.) «распределение среди достойных лиц».

Таким образом, сопоставление Артхашастры с другими произведениями, составленными на языке шастры¹ или же номинальным стилем (роман), свидетельствует о большом сходстве как в отношении стили, так и в отношении терминов и содержания некоторых отрывков. Если предположить, что наиболее ранние из этих произведений, «Камасутра» и «Дхармасутра», относятся предположительно к IV в. н. э., а более поздние, «Дашакумарачарита» и др., к концу VI или началу VII в. н. э., — то очевидно, что окончательное оформление трактата Артхашастры, как цельного произведения в дошедшем до нас виде не могло произойти в период, слишком отдаленный от эпохи создания этих произведений. Подтверждением такому предположению служит также «Нитисара» Камандаки, которая характеризуется самим автором как извлечение из Артхашастры Каутилья и должна быть отнесена к периоду между V и VI вв. н. э.²

Считается общепризнанным, что Артхашастра составлена на языке сутр, однако последний весьма приближается к языку произведений номинального стиля, относящихся к раннему средневековью.

Подлинное существование основного санскритского текста, в особенности научного содержания, подтверждается обычно каким-либо комментарием (bhāṣya), написанным на него³. Ибо без таких комментариев сутры философские, грамматические или какие-либо иные были бы непонятны и даже невозможны⁴. Между основным санскритским текстом (mūla) и написанным на него комментарием (bhāṣya) не может лежать сколько-нибудь значительный промежуток времени, так как в характере вопросов, их трактовке и разрешении не наблюдается достаточно существенных различий. Так, между грамматикой Панини (около V—IV вв. до н. э.) и сочинением Паганджали (около II в. до н. э.), представляющим собой «Большой комментарий на грамматику Панини» (Pāṇinīya-vyākaraṇa-mahābhāṣya), лежит промежуток времени приблизительно в два столетия. Что касается Артхашастры, то нам известны только два комментария к ней. Один — «Pratipadiparīkṣā», — написанный на вторую книгу, принадлежит Бхаттасваминому, о времени жизни которого пока ничего неизвестно⁵, другой

¹ Т. е. на языке научных произведений или трактатов.

² Относительно даты «Нитисары» существуют различные мнения, указанная дата нам кажется более вероятной.

³ Ф. И. Шербатской, ук. соч., стр. 4—5.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 208; S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 22.

⁵ Bhaṭṭa-Swāmin's Commentary on Kauṭilya's Artha-Śāstra. Edited by K. P. Jayaswal and A. Banerji-Sastri, «The Journal of the Bihar and Orissa

—«Naya Candrikā» — на книги VII—XII, очевидно, сравнительно ранний, принадлежит Мадхава Яджве¹. Интересно отметить, что текст Артхашастры представляет собой смешанный стиль, состоящий из сутр (sūtra) и комментария (bhāṣya), причем комментарий составлен самим же автором. Об этом говорится в заключительном стихе Артхашастры: *dr̥ṣṭvā vipratipattīm bahubhā cāstreṣu bhāṣyakāraṇām| svayam eva viṣṇuguptaḥ sakāra sūtraṁ sa bhāṣyaṁ ca|*. «Видя многочисленные противоречия в трудах комментаторов, Вишнугупта сам составил основной текст (сутры) и толкования к нему».

Таким образом, приведенные здесь соображения и доводы позволяют нам относить особенности языка и стиля Артхашастры к характерным чертам произведений раннего средневековья. Предположительно можно указать на III в. н. э. как на более вероятную дату создания Артхашастры в целом.

Было бы, однако, несправедливым и несерьезным отрицать, что в Артхашастре имеются места, которые могут быть отнесены к более раннему периоду, к первым векам до н. э., ко времени династии Маурья. Возможно, что идея такого произведения, представляющего собою весьма сложный компендиум политики, возникла действительно во времена Чандрагупты Маурья, когда появилась необходимость в организации прочной государственной власти для борьбы против чужеземного ига, навязанного народам Индии вторжением войск Александра Македонского. И вполне вероятно, что основное ядро трактата возникло в школе Каутильи.

Но вряд ли можно считать, что в целом произведение это не испытало на себе различных влияний; напротив, следует предполагать, что в нем сделано множество интерполяций в более позднее время.

Это предположение может быть подкреплено также тем обстоятельством, что во многих местах Артхашастры имеются ссылки на самого Каутилю, который цитируется в 3-м лице: *iti Kauṭilyaḥ* «так считает Каутилья», *neti* (na iti) *Kauṭilyaḥ* «нет, говорит Каутилья»².

Аналогичная картина наблюдается и в философских произведениях³.

Приведенные выше сопоставления свидетельствуют о том, что сама Артхашастра и те санскритские памятники, с которыми она перекликается, принадлежат в дошедшей до нас форме приблизительно к одной и той же литературной эпохе или разделяются между собой весьма небольшими периодами. Можно считать вполне вероятным, что рассматриваемое нами руководство политики составлялось или записывалось последователями школы Каутильи в более позднюю эпоху по сравнению с той, когда возникла идея такого произведения и его основное ядро. Руководство же в целом, как это предполагается и в отношении философских сутр⁴, было, оче-

Research Society», т. XI (1925), ч. I—4; т. (1926), ч. 1—3; B. Brelœr, ук. соч., стр. 69.

¹ J. Jolly and R. Schmidt, ук. соч., т. II. О комментарии Мадхава Яджвы также ничего достоверного неизвестно.

² Следует отметить, что даже среди индийских ученых нет твердо установленного чтения имени автора Артхашастры, этимология его объясняется различно. Так, Н. Ч. Бандхюпадхьяя читает: *Kauṭilya*, что в буквальном переводе означает: «кривизна, изгиб», т. е. как абстрактное имя, произведенное от слова *kuṭīla* «кривой, изогнутый». Ганapati Шастри производит это имя от слова *kuṭāla*, которое обозначает название готры (рода), и читает: *Kauṭālya*, что означает буквально «происходящий из готры (рода) Кутала». См. N. Ch. Bandyopadhyaya, ук. соч., стр. 1; Jagannāth Gupta aur Bhagavāndās Kela, *Kauṭilya ke ārthik vi-cār* (на хинди), Vr̥ndabān, 1933, стр. 3.

³ См. Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 11—12; см. также: S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

⁴ М. Мюллер, ук. соч., стр. 12 сл., 80, 109, 164, 188 сл.; Ф. И. Щербатской, ук. соч., стр. 4, 11 сл., 21, 23, 28 сл.; см. также S. Radhakrishnan, ук. соч., стр. 23.

видно, приписано Каутилье, как древнему учителю, родоначальнику особой школы политики, для придания этому сочинению большей авторитетности. Задача исследователей должна состоять в том, чтобы путем всестороннего анализа выяснить, что относится к ядру и что — к позднейшим наслоениям.

В. И. Кальянов

АНТИЧНАЯ ТРАДИЦИЯ О ТИРАНИИ АРИСТОДЕМА КУМСКОГО

Историческая достоверность сообщения Дионисия Галикарнасского о кумском тиране Аристодеме давно возбуждала сомнение со стороны авторитетных исследователей. Однако в научной литературе еще не было обращено внимания на то, что рассказ Дионисия имеет характерные черты новеллы, составленной по определенному трафарету. Сюжетом подобной новеллы обычно является общественный переворот, при этом варьируются следующие повествовательные мотивы: а) обычный общественный порядок ниспровергнут, господа занимают место рабов, рабы — место господ; б) свободные женщины должны жить в браке с рабами, или варварами, или чужеземцами; в) но женщины чувствуют себя обесчещенными и ненавидят их; г) подрастающее поколение мстит чужеземцам, вступившим в брак с их матерями. Развитию сюжета часто сопутствуют мотивы: 1) переодевание мужчин в женскую одежду, а женщин в мужскую и 2) мотивы патриотизма, воинственности, общественной активности женщин и, наоборот, мягкости, пассивности, слабости мужчин.

Подобного типа новеллы мы встречаем не только в греческой литературе, но и в римской и у многих народов древнего Востока, например, у египтян, вавилонян, евреев. Почти все перечисленные мною здесь мотивы присутствуют и в рассказе Дионисия об Аристодеме (VII, 7—11).

Аристодем совершает общественный переворот: аристократы убиты, их имущество передано их рабам, сыновья убитых аристократов вынуждены жить в деревне, вести образ жизни рабов. Жены и дочери убитых аристократов становятся супругами своих бывших рабов. Сыновья убитых аристократов подрастают и мстят Аристодему, виновнику гибели их отцов и позора матерей. Юноши Кум вынуждены носить женскую одежду, «хлябиды тонкие и мягкие». Последняя мера мотивируется в повествовании Дионисия тем, что тиран хотел упрочить свою власть, уничтожив мужество в сердцах подрастающего поколения.

Известен и другой вариант легенды об Аристодеме, сохранившийся у Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 261 E). В этом варианте затуманены черты социального переворота, но выдвинут мотив переодевания мужчин в женскую одежду, а также мотив патриотизма женщин. «Об Аристодеме рассказывают, — сообщает Плутарх, — что он заставлял мальчиков по-женски отращивать себе волосы и носить золотые украшения, а девушек стричься в кружок». Мужчины покорно подчинились этому приказу, но одна из кумских женщин вдохновила граждан на борьбу против тирана, а другая, храбрая Ксенокрита, рискуя жизнью, впустила заговорщиков в дом к Аристодему.

Насколько трафаретен сюжет легенды о кумском тиране, видно из того, что не трудно указать ряд новелл, содержащих те же самые повествовательные мотивы. Сопоставим его, например, с преданием о социальном перевороте в Аргосе, о котором рассказывает Геродот (IV, 2—3): обычный общественный уклад в Аргосе ниспровергнут, власть в городе перешла к рабам. Сыновья свободных граждан подрастают и изгоняют рабов. В параллельной версии предания у Павсания (II, 20) и Плутарха (*Mulier virt.*, стр. 245 E) мы находим и другие мотивы, характерные для данного трафарета: рассказ о сожительстве свободных женщин с рабами и рассказ о патриотизме и воинствен-